

Анучин

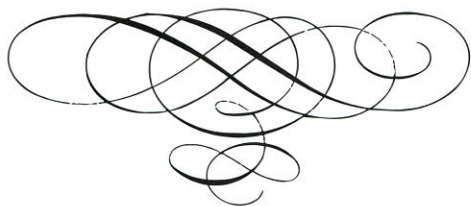
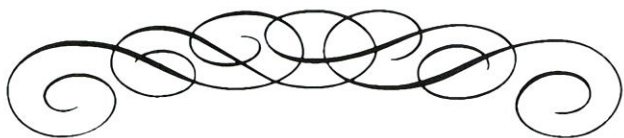
ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее издание сочинений Пушкина включено все, что имеет значение литературных произведений великого поэта, все законченное и цельное, до мелких стихотворений и отрывков включительно. Что касается переписки, то она, очень важная для биографов, не имеет, однако, значения литературных произведений, не может быть причислена, в строгом смысле, к «сочинениям поэта», почему все собственно литературные мысли, извлеченные из писем, во всех изданиях печатаются в другом месте.

В расположении материала мы руководствовались тем, что принято в большинстве больших изданий Пушкина, а именно, прежде всего, мы отделили прозу от стихов, далее в каждом из этих больших разделов были выделены особо произведения значительного объема: романы, повести, драмы, а все остальные более мелкие произведения расположены в хронологическом порядке по годам.

Наконец, что касается редакции текста, то в отношении лицейских произведений мы приняли за основу редакцию академического издания, отредактированного Л.Н. Майковым, а в отношении остальных произведений – редакцию издания Литературного фонда, отредактированного П.О. Морозовым.

Редакция

ПЕСНЯ

О, Делия драгая!
 Спеши, моя краса!
 Звезда любви златая
 Взошла на небеса;
 Безмолвно месяц покотился.
 Спеши! Твой Аргус удалился,
 И тронул сон его глаза.
 Под сенью потаенной
 Дубравной тишины,
 Где ток уединенный
 Сребристыя волны
 Журчит с унылой Филомелой,
 Готов приют любви веселый
 И блеском освещен луны.
 Накинут ночи тени
 Покровы нам свои,
 И дремлют рощей сени,
 И быстро час любви
 Летит, — я весь горю желаньем,
 Спеши, о Делия, свиданьем,
 Пади в объятия мои!

ДЕЛИЯ

Ты ль передо мною,
 Делия моя?
 Разлучен с тобою,
 Сколько плакал я!
 Ты ль передо мною,
 Или сон мечтою
 Обольстил меня?

Ты узнала ль друга?
 Он не то, что был;
 Но тебя, подруга,

Всё ж не позабыл,
И твердит уныло:
«Я любим ли милой,
Как, бывало, был?»

Что теперь сравнится
С долею моей!
Вот слеза катится
По щеке твоей...
Делия стыдится?
Что теперь сравнится
С долею моей!

ИЗМЕНЫ

«Всё миновалось!
Мимо промчалось

Время любви.
Страсти мученья,
В мраке забвенья
Скрылися вы!
Так я премеиы
Сладость вкусил,
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Всё позабуди!
В новой сей доле
Счастливо буди!
Только весною
Зефир младоу
Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь въздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец.
Ах, для тебя ли,
Юный певец,

Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой
Стану в смиренье
Черпать забвенья
И для друзей
Резвой рукою
Двигать струною
Арфы моей».

В скучной разлуке
Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя улаждал,
В сердце возженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумал любить.
Как ветерочек
Ранней порой
Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянной
Страстью играл;
Лилу, Темиру,
Всех обожал;
Сердце и лиру
Всем посвящал.
Что же?.. напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!
Образ Елены
В сердце пылал.
Ах, возвратися,

Радость очей,
 Хладна, тронися
 Грустью моей.
 Тщетно взываешь,
 Бедный певец!
 Нет, не встречаешь
 Мукам конец...
 Так до могилы
 Грустен, унылый,
 Крова ищи;
 Всеми забытый,
 Терном увиты
 Цепи влачи...

1814

К СЕСТРЕ

Ты хочешь, друг бесценный,
 Чтоб я, поэт молодой,

Беседовал с тобой
 И с лирою забвенной,
 Мечтами окрыленной,
 Оставил монастырь
 И край уединенный,
 Где непрерывный мир
 Во мраке опустился,
 И в пустыне глухой
 Безмолвно воцарился
 С угрюмой тишиной!..

 И быстрою стрелой
 На невский брег примчуся,
 С подругой обнимуся
 Весны моей златой,
 И как певец Людмилы,
 Мечты невольник милый,
 Взошед под отчий кров,
 Несу тебе не злато –
 Чернец я небогатый –
 В подарок пук стихов.

Тайком взошел в диванну,
Хоть помощью пера,
О, как тебя застану,
Любезная сестра!
Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь?
Жанлис ли пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном
Смеешься всей душой?
Иль с Греем и Томсоном
Ты пренеслась мечтой
В поля, где от дубравы
В дол веет ветерок,
И шепчет лес кудрявый,
И мчится величавый
С вершины гор поток?
Иль моську престарелу,
В подушках поседулу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невою?
Иль звучным фортепяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини ль Рамо?

Но вот, уж я с тобою!
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,
Один пишу к сестре.
Всё тихо в мрачной келье;
Защелка на дверях,

Молчанье – враг веселья –
И скука на часах!
Стул ветхий, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель –
Вот всё, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден,
Тобою пренесенный
К волшебной Иппокрене,
И в келье я блажен!

Что было бы со мною,
Богиня, без тебя?
Знакомый с суетою,
Приятной для меня,
Увлечшись в даль судьбою,
Я вдруг, в глухих стенах,
Как Леты на берегах
Тобою похищенный,
Явился заключенный;
И скрипнули врата,
Сомкнувшись за мною,
И мира красота
Оделась черной мглою!..
С тех пор гляжу на свет,
Как узник из темницы,
На яркий свет денницы.
Светило дня взойдет,
Луч кинув позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно,
Не радует оно.
Иль позднею зарею,
Как ночь на небесах,
Покрытых темноюю,
Темнеет в облаках, –
С унынием встречаю
Я сумрачную тень
И вздохом провожаю
Скрывающийся день..
Сквозь слез смотрю в решетки,
Перебирая четки.

Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут запоры,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;
Спеша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клубок с веригой –
И прилечу расстригой
В объятия твои!

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

АРИСТ, и ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пергаса,
За лаврами спешишь опасною стезей
И с строгой критикой вступишь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернила,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают – и целый свет забудет.
Быть может, и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединишь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды
Сокрыт другой отец второй «Телемахиды».
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздних дань поэтам справедлива:
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшися бесславия! Что, если Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачае кудрявой головою,
Твой гений наградит – спасительной лозою?
Но что? Ты хмуришься и отвечать готов:
«Пожалуй, – скажешь мне, – не трать излишних слов;
Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.